

Фестиваль сказок

Вожатский коллектив пионерского лагеря «Звездочка» отличался какой-то неумемной преданностью своему делу работе с пионерами.

— Ты не человек, ты — вожатый! — говорил старший вожатый на планерках.

— Если пионер залез на баскетбольное кольцо и повис на нем вниз головой, имея все шансы упасть на землю, а ты находишься на другом конце лагеря, то в момент, когда ребенок оторвется от щита и полетит вниз, ты обязан быть под щитом! - под этим девизом и работала педагогическая машина.

Поразительно, но даже по ночам, когда на сцене ККЗ «Лесная тишина» собирались укатанные за день призванные для работы с детьми молодые и не очень люди, отвлечься, расслабиться, поделиться мыслями, да просто отдохнуть, даже в это время все разговоры были только о пионерах.

— Мамонт! Ты исчадие! — страшно вращая зрачками давил старший вожатый, бросаясь вперед всем сухим, жилистым телом, примеряясь, как бы сдвинуть глыбу внешне безразличного и даже несколько флегматичного молодого человека, закусывающего холодной котлетой с ужина.

— Да ты кроме своей эскадры, да военной игры ни чего и придумать не можешь! Ну, кого ты воспитал, кроме Бабошкина? - продолжал он наседать, не замечая хитрой улыбки, спрятанной

за такой популярной маской как очки с усами. Маска тщательно пережевывала «пятое питание», смачно хрустя огурцом с пионерского сада-огорода. Жирные листья зеленого салата исчезли в энергетической топке вслед за огурцом почти мгновенно. На усах остались висеть крошки хлеба, которые видимо совсем решились начать вить себе гнездо под носом вожатого, но тот одним движением руки отряхнул свое богатство, восстановив соответствие усов гигиеническим нормам доктора Пилюлькина.

— Вот ты разошелся, Типа!словно сказочный герой... — вяло парировал друг и защитник детей. Было очевидно, что делать два дела сразу он не любил, причем свято следовал традиции: «Когда я ем, я глух и нем».

Запахнув плащ-палатку цвета хаки и проверив фонарик дважды щелкнув выключателем, он провел лучом по дальнему углу клуба, где наставленные друг на друга стояли ряды кресел, сдвинутые сюда его пионерами с прошлого «Огонька».

— Да уж, не «Огонек» получился — сказка! Кстати, вот тебе и тема - надо в театре сказку поставить! Про Шишигу какого-нибудь. А что, Бабошкин потянет. Он талантливый! — уже совсем собираясь уходить, бросил вожатый А то еще, пусть каждый отряд свою сказку поставит.

— Ну, Мамонт, ты дудак! Это ж целая неделя понадобится только, что бы показать! — медленно приближаясь к состоянию паровозного свистка, прошипел старший вожатый, подбирая очередную фразу, чтобы вкатить сполна за безумную идею. — Григорьич! А задники ты успеешь нарисовать для спектаклей? Восемь отрядов, восемь задников!

— Типа, я что полоумный? Восемь задников размером 3 на 4 метра... Мне всю смену рисовать! — раздался голос из зрительного зала, где на коленях по полотнищу очередной декорации ползал могучий человек.

— Один малохолный прибежал в плащ-палатке уголок отрядный сделай ему. Был бы нормальный, а то инопланетянин какой-то с Альдебарана. Ты знаешь, что Мамонт это бурдюк с пчелами на колесах? Они ими думает. И сигналы посылает в кос-

мос симпатии своей Географине Викторической - эмоционально отреагировал обычно немногословный художник, не расстающийся со своими выдавшими виды тренировочными штанами с отвислыми коленками.

В них он обычно передвигался по склеенным полотнам миллиметровки, ваяя то лесную поляну с расщепленным стволом упавшего от удара молнии дерева, то стойку бара ковбойского салуна. Благо, в ракетном институте, где основная профессия конструктор, чертежной бумаги было предостаточно. Подумаешь, вместо очередного чертежа какой-нибудь управляемой форсунки двигателя, на ней изобразят декорации для пионерского спектакля! Оборона не пострадает, а детишкам радость!

Заслуженные кеды художника со смятыми пятками так удобнее было для работы обычно стояли у размеченного будущего шедевра с раскинутыми язычками, поскольку шнурки давно были использованы для какой-нибудь очередной поделки. Вот и теперь, поднявшись с колен, как некое ракообразное, он прошел по свеженамалеванному шедевр босыми ногами и вдвинул их в кеды. Могучее тело, словно трехголовое чудище Змея Горыныча, тяжело выдыхая почти раскалившийся до состояния искр воздух, вползло по ступенькам на сцену, где находились основные действующие лица, восседая за столом художника, уставленного тазиком с котлетами и тазиком с зеленью пионерского сада-огорода. Водки не было. Ее не было уже три дня и потому настроение было не то, в разговоре присутствовала нервозность, и шутки были резкие и колючие. Придвинув вплотную к лицу давнего товарища свои песнярские усы, художник приподнял очки и заглянул в глаза старшему вожатому.

— Ты это серьезно? Да ты умом тронулся! Я не подписываюсь! Нашли мыша и гоняют не спеша! — распаляясь, запричитал он.

Еще с утра было такое хорошее настроение. Его малолетний сынишка Дэнис научился плавать и проплыл почти весь бассейн вдоль берега. В тихий час удалось сходить за грибами в лес, и результаты охоты составляли его гордость. Желтый обогреватель в его «трюме», старательно увешанный проволочками и решеточ-

ками, на которых сушились обработанные и нарезанные грибы, работал на всю катушку, пополняя закрома родины снедью на зиму. Запах сушеного гриба витал повсюду, внося свой оттенок в общий вкус свежайшего лесного воздуха пионерского лагеря, смешиваясь с ароматами разнотравья, смолой елки и сосны, влажной ноткой реки Капаньки и вечернего бриза с бассейна «Бучило».

— Типа, скажи, что ты пошутил! — умоляюще заглядывая в глаза старшему вожатому, продолжал художник.

Вожатая Женья, хоть и впервые примерила на себя вожатский галстук, была профессиональным педагогом, да еще и творческим работником преподавала по классу фортепьяно, поэтому решение об участии всех отрядов в фестивале сказок приняла стоически и даже с некоторой радостью. Днем она пыталась договориться с отрядом о выполнении «обязательной программы» дежурство по лагерю, уборка территории, участие в спортивных мероприятиях, что ее мало волновало. Зато после отбоя, она мучила старенький проигрыватель «Аккорд», напрягаясь, чтобы разобрать слова на детской пластинке. Через две бессонные ночи был готов сценарий сказки «Новое платье короля». Уж неведомо простым пионерам, каким образом, но в костюмерной Большого театра были заказаны костюмы к спектаклям — камзолы со стразами, кринолины с шитьем, чулки с подвязками, шляпы с перьями и перчатки с дырами. Вот так, роли расписаны, костюмы доставлены, оставалось самое главное определить актерский состав. И тут началось.

В то золотое время многие вопросы рассматривались иначе. Например, ботинки с намеком на иные цвета, кроме черного или коричневого, могли быть истолкованы как девчачьи. Это влекло за собой не просто разборки, но и совершенно конкретную драку с синяками и шишками. Какие уж тут туфли на каблуках с пряжками, да гольфы с подвязками? Раз надел, потом не отбреешься! А эти смешные штаны, короткие как шорты, с резинками как на девчачьих трусах, да еще в форме «фонариков», расфуфыренные золотой и серебряной вышивкой? Не то что бы одеть, просто при-

коснуться к этому, уже было кощунством перед зарождающимся мужским эго!

— Что, быть министром? Да хоть папой Римским, но не в этих нарядах! — отбиваясь от вручавшей сценический костюм вожатой, кричал паренек, смешно уворачиваясь и, отступая за теннисный стол на веранде Да меня мамка не признает и домой не пустит! А был бы жив отец вообще бы убил! Пацаны, ну посочувствуйте! Я ж не вру!

— Ничего, если я в кедах? Не приучен как-то на каблуках-то! — гундосил другой, пытаясь отвязать туфли размера на три больше, чем надо. Атласная лента замоталась вокруг золотого цвета пряжки и решительно не хотела отпускать ногу мальчишки.

И только девчонки с интересом и удовольствием наряжались в корсеты, кринолины и всю эту галантерейную чушь, соглашаясь на любую роль, лишь бы в костюме.

Признанной красавице отряда Ленке Глазовой, известной кривляке, предложили главную роль, и вот она уже вертится перед зеркалом на веранде, подтягивая перчатки до локтя, оправляя корсет и взбивая модную прическу светлых волос.

Вожатая Женя вынесла на веранду набор иностранной косметики, что привело девочек в состояние экстаза. Они облепили ее словно пчелы королеву. Еще немного и начнут отсекать нектар!

Но не так проста была вожатая Женя!

— Вот, девочки, для каждой слова, сказала она как бы, между прочим, рассовывая по две-три страницы мелкого текста в девчоночки руки в шелковых перчатках.

Ай, молодец! Ай, умница! Кто ж теперь откажется?

Наша волейбольная команда гоняла мяч на площадке у дуба. В последние два года мы все как то вытянулись и подсели на волейбол. Одержимый вожатый заронил в нас свое безумное семя, и вот теперь оно взросло и распушило свои соцветия в виде вздетых к небу рук, где кувыркаясь и вертясь, летал галовский мяч. Рубилово стояло нешуточное.

Два Андрея, «Макар» и «Зорька», скакали у сетки, пытаясь заблокировать атаку сборной команды вожатых и хоздвора. Уже ра-

зобрались с крученой с прогибом подачей начальника лагеря. Она шла по дуге с угла на угол площадки, была подкручена и сильна, но ни чего сверх естественного в ней не было.

Поначалу первобытные движения крепкого начальника, изрядно приправленные вздохами, рыками и криками: «Лови, «мягкие игрушки»!» — вгоняли подростков в ступор, но, бывало в жизни и пострашнее, так что пообвыкли, приноровились и начали принимать. Да как! Коренастый Игорек «Полковник», сложенными вниз руками вынимал мяч почти с земли и точнехонько отдавал его на третий номер Макару, а тот мягким пасом выкладывал «конфетку» почти над сеткой Зорьке. Бей, не хочу!

Высокий и сухой Зорька, с руками веточками, брал разбег, взмывал в небо, аки архангел, делал замах для удара....

В этот момент с его ног слетали кеды, принципиально лишённые шнурков, с болтающимися языками и разлетающимися в разные стороны тряпочными аксессуарами с набитыми в них люверсами для шнурков и резиновыми кругляшками с надписью «Голден стар», производства Китайской народной республики.

Мгновенная заминка, пробежавшая по лицу Андрея, лишила его счастья вогнать кол в первую линию неприятеля. Грандиозный замах превратился в помахивание веером в жаркий полдень или отпугивание комаров и слепней. Мяч обидно опустился на голову недотепы и без сожаления перекатился на другую сторону площадки.

— Пятнадцать-пятнадцать! — бесстрастным голосом произнес судья — Мяч налево, сборной вожатых и хоздвора!

И в этот момент! В этот решающий момент!! В этот важнейший в жизни момент!!! Колокольчик с клуба прохрипел: «Внимание! Мальчики первого отряда — вас ожидают на веранде отряда для участия в фестивале сказок. Повторяю...»

Ну, не шуты мы гороховые! Нам с «Дружкой» играть! Да без нас кто будет честь лагеря отстаивать? Кто это придумал, фестиваль сказок? Нет у нас талантов, нет желания! Вычеркните нас из списка отряда!

Неуверенно посмотрев в сторону начальника лагеря, мы увидели в его глазах сомнение и уж подумали, что доиграем партию, но со стороны корпуса к площадке приближалась вожатая Женья, ломая как ледокол своим модным прикидом только начавшую за-тягиваться первым ледком надежды мечту доиграть эту встречу.

— Вот вы где! А я вас ищу повсюду... Мальчики, у нас нет главного героя... Пойдемте на веранду! — сказала вожатая Женья и, не снижая скорости, развернулась на 180 градусов в сторону корпуса.

Последним взглядом, полным мольбы и надежды мы посмотрели на начальника лагеря. Взгляд его уже был тверд и непреклонен и не допускал невыполнения приказа.

Как были, в трусах и майках с натрафареченными синими звездами, мы нехотя поплелись в корпус. Последним волочился Зорька, кляня на чем свет стоит свои кеды без шнурков. Но нам уже было не до этого.

Такого шабаша в корпусе мы себе представить не могли.

— Приплыли! — пробасил Зорька с высоты своего роста.

А шустрый Сережка «Пассик» сорвал с кого-то шляпу с пером и запрыгнул на теннисный стол.

— Господа мушкетеры! Вас вызывает кардинал!

— Мальчики — прозвучал голос вожатой Жени из-за чьей-то спины — У нас нет главного героя голого короля.

— Нормально, главный герой голый! Спектакль что, про баню? Других героев нет уже? — нарываясь на скандал сквозь зубы начал я.

— Вот, я же говорила, что с ними невозможно договориться! — заверещала Ленка Глазова, закатывая свои голубые подведенные глаза под челкой пшеничных волос.

— Они же кроме волейбола и своего авиаракетного кружка ни чем заниматься не желают. Им честь отряда до фонаря! Вот! почему-то притопнув ножкой в ажурных чулках, с подвязкой, в туфельке с пряжкой, капризно бросила она.

В расшитом платье с корсетом и кринолином, в туфлях на каблуках, перчатках до локтей, с веером, она выглядела сногшиба-

бательно. Если честно, то и узнать ее можно было только по писклявому голосу и нервному смеху. Уж лучше б ей не говорить ни чего.

Андрюха Макар, моргнув ресницами, вынес наш общий приговор:

— Это не для нас!

Мы согласно закивали и, развернувшись, собрались уходить.

— Что, слабо вам за честь отряда на сцене выступить? А еще актив с командиром во главе! — прокудахтали две курицы в темных бархатных камзолах и широкополых шляпах с перьями.

Башмаки их громко процокали по деревянным полам веранды, и скрылись в палате девочек, так что определить, кто это сказал, было нереально.

— А ведь они правы, — послышался над ухом голос вожатой Жени — Но брать на «слабо» я вас не хочу, я предлагаю сделку!

В те восьмидесятые годы слова «коммерция», «сделка», «бизнес» в повседневной жизни нашим поколением не употреблялись. Просто не были востребованы. Этим ни кто не занимался, и это мало кого интересовало. Люди строили ракеты, перед каждой проходной висели объявления с длинным списком профессий, которые требуются. Профессионально-технические училища не вмещали всех желающих освоить рабочие профессии. Зарплата по некоторым из них была существенно выше, чем у инженера или служащего. Продавцы и товароведы были самой низкооплачиваемой категорией, но обладали некоторыми возможностями доставать «дефицит» - то, что было модным, но в магазинах почему-то не продавалось.

И вот нам предлагают СДЕЛКУ! Что это такое, мы не очень-то понимали.

— Я предлагаю заключить соглашение! — продолжала вожатая Женья Один из вас играет роль «Голого короля», а другой его «Министра-Советника». Остальные могут быть заняты на технических ролях в массовке или, например, балдахин нести. А за это я больше не буду вас просить ни о чем. Можете проводить, сколь-

ко хотите времени, хоть в своем кружке, хоть на волейбольной площадке.

В наших рядах началось смятение.

— Ладно, — сказал Серега — На Голого короля я не похож, но его министра сыграть смогу. Уж, извините, МХАТовской практики у нас не много, но что могу! Где тут мой костюм? — и удалился разгребать реквизит.

Посмотрев на двух одинаковых как минареты Тадж-Махала нападающих нашей волейбольной команды, я понял, что шансов у меня нет, поскольку Андрюхи это точно не то, что можно себе представить в этой роли. Пусть эти громоотводы берегут себя для встречи с п/л «Дружба» решил я и вышел вперед.

Понимая, что игра в спектакле - это что-то очень постыдное, граничащее с отречением от всего, требующее от человека невозможного. Ну, как на амбразуру лечь, или горящий самолет направить в колонну вражеских танков. Я был готов к этому. Но это подвиг, а тут!

Сначала на меня напялили шарообразные штаны с вышивкой золотом. Потом натянули чулки с подвязками и туфли на каблуках. Это на мой-то 42 размер! Камзол одевали всем отрядом. Я конечно подросток 14-ти лет, но совсем не субтильной внешности!

По ходу оказалось, что одевание не самое страшное. На сцене меня должны еще и раздевать! Вот это уже было совсем тяжело. Крючочки, кнопочки и прочие портняжки бирюльки еле удавалось застегнуть, а уж проделать процедуру наоборот можно было, лишь вырвав их с корнем!

Вид обнаженной натуры меня почему-то не пугал.

— А в чем я останусь? — спросил я апатично — Анна сошьет тебе трусы из шелковых флажков, что понатырили в «Щербаковце» — бросил кто-то сквозь губу, прижимавшую булавки.

Надо сказать, что еще пару недель назад, во время похода в этот замечательный лагерь шелкового комбината им. Щербакова, наша компания решила, что негоже чемпионам играть в хлопчатобумажных трусах, когда отстойная команда блещет шелковой формой. В НИИ ТП даже парашютного шелка не было, не то что

разноцветного, по волнам которого играло солнце, скользя и искрясь на развевающихся полотнищах обильно расставленных по территории флагов. Отсутствие каких-то 10-12 флажков, потыренных с центральной линейки, не испортило внешнего вида завернутого в шелка лагеря. Девчонки в кружке «Мягкая игрушка» обещали выполнить заказ, но весь материал был конфискован вожатыми как криминальный.

Эти нечеловеческие страдания, свалившиеся на мою голову, оказались жалкой иронией, когда выяснилось, что партнершей по сцене будет Ленка Глазова! Намажьте меня зубной пастой! Зашейте мне карманы штанов! Прибейте мои кеды к полу гвоздями! Но только не заставляйте играть с этой...

Пусть она самая красивая в отряде, пусть мальчишки обписались ей записки с предложениями погулять по аллее любви, пусть у нее блат в изоляторе...

По роли она была королевой, т.е. моей супругой. Наверное, с этого момента я стал интересоваться, как монархи избавлялись от своих жен отравить, сослать в монастырь, отдать на съедение диким животным!

Фестиваль сказок шел уже несколько дней. Каждый день лагерю предстояло посмотреть два спектакля. Уже отыграла свою «Репку» сборная команда младших отрядов. Уже Андрэ де ля Топор представил на суд публики свое нетленное творение с Александром Бабошкиным в роли Шишиги.

Который день работники хоздвора ходили под впечатлением. Меню стало разнообразней и вкусней. Выпечку вкусные, ни с чем несравнимые булочки, давали через день. А порции второго блюда у старших отрядов стали значительнее.

— Мне, пожалуйста, одно мясо, без гарнира, просунув голову в окно раздачи, несколько лениво и совершенно индифферентно произнес вожатый второго отряда — Я, знаете ли, на диете!

Повариха в накрахмаленном до состояния кровельного железа белоснежном колпаке посмотрела на габаритные очертания вожатого с обильной растительностью на лице, заглянула в его бездонные и совершенно бескорыстные глаза, сопоставила все это

с ложкой азу в пустой тарелке и, женское сердце не выдержало. Зачерпнув полный половник подливки с мясом, одним широким жестом, она заполнила до краев суповую тарелку.

— Спасибо, — прошептал ошарашенный вожатый, он же главный режиссер театра «Ритм».

— И мне тоже! Я тоже диЭтчик! — в один голос заверещали стоявшие в очереди вожатые. Однако, лицо поварихи с глубокими темными глазами, и совестью, такой же незапятнанной, как и ее колпак, уже выражало милую улыбку, а рука профессиональным движением отмеряла установленную бухгалтером лагеря порцию мяса с подливкой.

— Старайтесь, мальчики, старайтесь! Вот поставьте спектакли как Андрюша, может быть, и вас примут в диЭтчики!

Фестиваль подходил к своему финалу. Лагерь ждал выступление первого отряда. На главное выступление смены приехали представители профсоюзного комитета НИИ ТП и литературная элита из институтской библиотеки. После ужина отряды построились у корпусов, что бы организованно пройти в клуб и занять отведенные им места. Хоздвор во главе с начальником стайкой держались на танцплощадке в непосредственной близости от входа в клуб.

Со стороны гримерных у клуба, происходило непонятное движение. Из дверей кружка «Мягкая игрушка» выходило нечто завернутое в покрывало в сопровождении двух-трех сопровождающих. Процессия быстрыми перебежками направлялось к клубу, где, взбежав по ступенькам, растворялась в дверном проеме. Гримерки, набитые под завязку наряженными в пух и перья в буквальном смысле, людьми не могли предоставить каждому необходимое количество кислорода. Было жарко, тесно, неуютно от потных лиц и ладоней, дрожащих коленей и шуршащих бумажек с текстами. Лишь вожатая Женя, деловито лавируя между всеми, отдавала последние команды.

Практически в последний день выяснилось, что в спектакле есть несколько песен, которые надо исполнить. Приглашенные фотограф с баяном и радист с гитарой больше часа разбирали пар-

титуты, а затем, обратившись к пионерам, спросили: «А ну-ка, попробуйте сыграть...» — дальше шли названия аккордов со смешными названиями «доминанта», «уменьшенный», «септаккорд». Картина напоминала вавилонское столпотворение, когда народы перестали понимать единый язык. «Лесенка, звездочка, нижний блатной, верхний блатной...» — пытались подстроиться пионеры. Вконец замученные кружководы потеряли надежду быть понятыми.

— Короче, играете два аккорда — «соль» и «до». И ни каких отступлений! А все слова споете между ними — решительно сказал радист. И это всех устроило.

Вожатая Женя попыталась было вставить свое слово, но обе стороны так тяжело посмотрели в ее сторону, что она собрала листочки с текстами и быстро ретировалась.

Приближалось время начала спектакля. В зале погас свет. Из окошечка кинобудки застрочил яркий свет проекционного аппарата, а из акустических колонок под потолком раздались первые аккорды музыкального вступления, перемежающиеся с мерными щелчками потертой пластинки, которые не могла устранить заезженная иглолка старенького «Аккорда»...

Зал ревел и стонал. С моего тела стаскивали панталоны, камзол... Корону один из пройдох-портных водрузил на свою макушку, но не рассчитал, и она сползла ему на уши. Застежки, булавки, крючки все разлеталось в разные стороны, а в дергающемся свете кинопроектора на сцене перед зеркалом во весь рост стоял я Голый король, в трусах из полинялого розового флажка с нашей линейки. Передо мной рассыпались в реверансах портные, держась за животы. Мой «министр» отпускал фразы не по тексту, но по ситуации, от чего чебурашки в первых рядах сползали со стульев, громко ржа высокими голосками. Остальное наполнение зала, невидимое мной, гудело ровной массой, периодически разрываемое выкриками и одобрителем свистом. Моя королева, спрятавшись за веер, хихикала как заведенная, игриво поглядывая на стриптиз, устроенный ее «супругом» посреди сцены.

И вот, с короной на голове, под руку с королевой, под балдахин и совершенно нагой я со своей свитой спустился в зрительный зал и величаво прошествовал к выходу.

Гогочущая и визжащая разномастная публика превратилась в одно месиво без возраста, без пола. Все ржали взахлеб, свистели и пытались дотронуться до голого короля. Мальчишку в первом ряду, крикнувшего: «А король то голый» — чебурашки просто разорвали на сувениры.

А я шел, высоко подняв голову и соображая, не слишком ли дорогую цену пришлось заплатить за право посещать кружок и играть в волейбол. Но эту мысль быстро вытеснила другая а народу-то нравится! Значит, не даром все старания, терзания и смущения. А следом за ней появилось чувство того, что мне самому все это нравится.

Выскользнувший из потной руки одного из Андреев тяжелый дрын, составлявший основу балдахина, быстро преодолел невеликое расстояние до моей головы, и треснул меня поперек темя. В глазах потемнело, голова закружилась, и заботливые руки товарищей вынесли меня на воздух, на крыльцо ККЗ «Лесная тишина».

Очухался я быстро, сидя на лавочке танцплощадки, завернутый в постельное покрывало. Из клуба выводили детей, строили, но самые отчаянные из них все равно подбегали ко мне, норовя ущипнуть или хотя бы дотронуться. Залитый светом клуб дрожал от смеха и восторгов, которые вывалились наружу неорганизованной, разудалой гурьбой, с участием главных персонажей, не успевших разоблачиться от сценических костюмов. Дружная компания хоздвора, одобрительно цокая и переговариваясь между собой, продефилировала в направлении столовой, кивая в мою сторону головами и отпуская шуточки, отчего поварихи заливались чистым, звонким смехом.

Лагерь растекался на ночевку. Из деревянного сооружения с загадочными буквами ДТТ на фронте вышел вожатый в красных шелковых трусах, о которых мечтал я, и, махнув мне одобрительно рукой, прошлепал в направлении бассейна. Становилось

холодно и, закутавшись посильнее в покрывало, я побрел в свой корпус.

На веранде стояла вожатая Женя, выслушивая слова кого-то из администрации НИИ ТП.

— Послушайте, это же триумф! Вы знаете, что такое триумф? - восклицала ужасно заслуженная дама, представитель продвинутой интеллигенции — Это надо по телевидению показывать! Ни чего подобного я не видела!

Вежливо извинившись, Женя подошла ко мне.

— Молодец, здорово отыграл!

Впервые мне стало стыдно своей наготы. Я запахнул покрывало и сказал:

— Спасибо, Женя! Спокойной ночи.

— Спокойной ночи! ответила вожатая Женя.